

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.8

Патриотизм: социально-философский подход*

А. В. Павлов

Институт философии РАН

Несмотря на то что в России активно используется патриотическая риторика, а на официальном уровне осуществляются программы по патриотическому воспитанию молодежи, у граждан нет четкого понимания, какой именно патриотизм им предлагается. Отечественные ученые либо точно так же настаивают на необходимости патриотического воспитания, либо обращаются к проблеме с точки зрения прикладной социологии. Автор обсуждает многогранные теоретические аспекты патриотизма, рассматривая, в каких дискурсивных контекстах о нем спорят современные социальные философы и политические теоретики, выделяет несколько моделей «патриотического проекта», отстаиваемых социальными философами, несмотря на критику и осуждение патриотической идеи. На примере российских реалий автор соотносит отечественную патриотическую риторику с теми выводами, к которым уже пришли мыслители и ученые на Западе. Вместо того чтобы делать акцент в патриотическом воспитании на конструировании внешних врагов и на милитаризации, официальная пропаганда может позаимствовать отстаиваемые «конституционным патриотизмом» принципы — любовь не просто к стране, но уважение к закону, к сложившимся демократическим институтам, желание поучаствовать в формировании гражданского общества и т. д. Настоящее исследование — не столько попытка восполнить этот пробел, сколько намерение перевести научную дискуссию на новый, теоретический уровень.

Ключевые слова: патриотизм; социальная философия; политическая теория; космополитизм; конституционный патриотизм

ВВЕДЕНИЕ

Свою книгу «Смыслы социальной жизни: культурсоциология» социолог Дж. Александер начинает с нескольких риторических вопросов, которые в целом сводятся к одному: почему мы делаем какие-то вещи и поступаем так, как поступаем? Почему мы в своем большинстве, например, считаем, что надо чтить жертв Холокоста? Почему мы так увлечены технологиями? Откуда у нас стремление к развлечениям и конкретным формам досуга? Многое из того, что мы делаем, мы просто считаем естественным или правильным или даже хорошим. Однако, утверждает социолог, в большинстве наших действий нет ничего естественного, люди ведут себя определенным образом в силу каких-то причин, а большинство наших действий детерминируются скорее бессознательными инстинктами, чем рациональными размышлениями (Александер, 2013: 42).

К таким вещам, без сомнения, и относится вопрос о патриотизме. Например, откуда берется патриотическая риторика и установка на патриотическое воспитание молодежи? Все мы почти каждый день слышим эти слова. Но как часто задумываемся, что именно они значат? Как и кто именно воспитывает молодежь патриотическим образом? То, что нам предлагают, — это точно патриотизм? И вообще, если мы должны

* Статья подготовлена в рамках работы по Программе фундаментальных исследований РАН «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы».

Article is prepared within the work on Fundamental RAS research Program: «Multifactor challenges and risks of transition to new scientific-technology and economic stage development of Russia: fundamental and applied problems».

любить свое Отечество, в чем нет ничего плохого, то до какой степени? В каких ситуациях мы можем или обязаны умереть за него?

То, что пытается обнаружить Александр в обществе, он называет «смыслами социальной жизни». Патриотизм является одним из таких смыслов, который мы еще должны постараться обнаружить. Не так сложно обнаружить, где берет начало установка на патриотизм. Патриотическое воспитание в России является официальной государственной практикой. Например, существуют государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» и государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». То есть патриотизм — далеко не просто риторика, но действующая практика. Однако эта практика часто основывается на риторике или же тесно взаимодействует с ней. Но о каком именно понимании патриотизма идет речь?

С одной стороны, патриотизм объявляется неизменной ценностью, с другой — само его понимание оказывается узко ограниченным. Так, патриотическое воспитание главным образом связывается с почтением к истории отечества и во многом ориентируется на милитаризм во всем его многообразии. В частности, «патриотическим воспитанием молодежи» в России активно занимается Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Агентство определяет главные задачи своей деятельности следующим образом:

— Содействие включению молодежи в программы патриотического воспитания, в том числе по подготовке к службе в Вооруженных силах, проведению работ по увековечению памяти защитников Отечества.

— Расширение сотрудничества российской молодежи с организациями ветеранов войны и труда.

— Содействие деятельности поисковых отрядов, археологических и военно-исторических клубов, объединений краеведческой направленности, патриотических молодежных проектов и программ, патриотических клубов, объединений казачьей молодежи и иных молодежных объединений патриотической направленности.

— Укрепление роли молодежно-студенческих отрядов в патриотическом, нравственном, трудовом воспитании молодежи.

— Реализация просветительских и иных программ, направленных на укрепление социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде.

— Реализация программ по сохранению традиционной культуры народов страны (фольклора, этнографии, истории) и традиционных ремесел в целях развития связей между поколениями (Патриотизм: Электронный ресурс).

Три из шести задач так или иначе связаны с войной, военной историей, службой в армии. Должно ли патриотическое воспитание ограничиваться только этими задачами? Для многих ученых такой вопрос вообще не стоит. Если мы обратимся к немногим научным публикациям, посвященным обсуждаемой теме, то обнаружим, что исследователи, впрочем, используя средства и риторiku, отличные от официальных, точно так же принимают ценность патриотизма на веру и, не обращаясь к осмыслению понятия «патриотизм», рассуждают либо о наиболее эффективных способах гражданско-патриотического воспитания молодежи и необходимости этого воспитания (Гладких, 2011: 68), либо патетично утверждают, что «патриотическое воспитание молодежи — залог успешного развития государства и общества» (Студенникова, 2009: 282). Другой пример — текст «Патриотизм», опубликованный на

страницах журнала «Знание. Понимание. Умение». Статья является энциклопедической и фокусируется главным образом на том, что и как про патриотизм думали русские религиозные философы, дореволюционные мыслители, писатели, публицисты и т. д. (Селиверстова, Курганская, 2017). И даже там авторы, хотя и не предлагая оценок, подробно расписывают, как проходит патриотическое воспитание молодежи в России.

Один из немногих случаев, когда российский ученый подошел к исследованию отечественного патриотизма с умеренно критических позиций, — статья социолога А. Саниной. Автор, основываясь на контент-анализе официальных государственных документов разных стран, приходит к важным выводам относительно употребления патриотической риторики и понимания патриотизма в целом (Санина, 2016). Однако Санина сознательно не обращается к теоретическому аспекту проблемы, работая исключительно с эмпирическим материалом. К ее заключению мы вернемся в дальнейшем. А пока заметим, что более чем актуальная сегодня тема патриотизма до сих пор в России не получила должного осмысления на теоретическом уровне, и прежде всего в рамках социально-философской области знания. То есть авторы регулярно обращаются к теме воспитания патриотизма, но не ставят под вопрос само определение понятия и его многозначность. Не обращаются исследователи и к дискуссиям зарубежных политических, моральных и социальных философов, а ведь даже поверхностный взгляд на почти сорокалетнюю историю споров на тему патриотизма в англоязычной академии мог бы помочь нам определить ядро отечественного патриотического проекта. Настоящее исследование — не столько попытка восполнить этот пробел, сколько намерение перевести научную дискуссию на новый теоретический уровень.

В дальнейшем мы рассмотрим несколько вопросов — обсудим, в каких дискурсивных контекстах спорят о патриотизме современные социальные философы и политические теоретики, выделим несколько видов «патриотического проекта», отстаиваемых социальными философами, несмотря на критику и осуждение «патриотической идеи» как морально неприемлемой, а далее вновь обратимся к российским реалиям, чтобы соотнести отечественную патриотическую риторику с теми выводами, к которым уже пришли исследователи и мыслители на Западе.

ПАТРИОТИЗМ В ОПТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ И МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Л. Н. Толстой в статье «Христианство и патриотизм» не очень лестно высказался о том, что традиционно понимается как любовь к родине: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм» (Толстой, 1956: 65). Этот отрывок в итоге попал в копилку афоризмов о патриотизме. Но если многие мыслители осуждали патриотизм с позиции оценочных категорий, то как критикуют феномен социальные философы?

Когда социальные философы обсуждают патриотизм, то используют несколько возможных смыслов дискурсивных полей — либо это абстрактно-моральная аргументация, либо историко-фактическая, которая, впрочем, также имеет моральное измерение. Нередко политические теоретики и философы обращаются к элементарной стратегии различения патриотизма и национализма. Здесь, однако, мнения точно

так же радикально различаются: одни осуждают национализм за эгоизм и агрессию и превозносят при этом патриотизм, другие же отмечают, что процесс нацистроительства необязательно должен включать в себя национальный эгоизм и приверженность к конкретной территории — родине, что, в свою очередь, приводит к шовинизму. Но все же главное, что лежит в основании споров, — это моральная приемлемость любви к отечеству.

В самом деле, до какой именно степени должна доходить любовь к родине и каковы ее практические следствия? Можно ли убивать за родину, и если да, то в каких именно случаях, и на каких именно основаниях можно умирать за отечество? Если речь идет об отражении агрессии — это одна ситуация, но если страна сама является агрессором, то это совсем иная ситуация.

Как социальные философы, мы должны рассуждать не только о нашем патриотизме, но и о патриотизме других стран и даже скорее о патриотизме вообще. В конце концов, что может случиться, если по каким-то причинам вдруг произойдет столкновение патриотизмов? Возможно, любовь одних граждан к своей стране более основательная и не касается узкоэгоистических интересов, и если мы являемся честными моральными агентами, должны ли мы предпочесть один патриотизм другому — наш не нашему? В таком случае возникает самая существенная проблема: в политической философии существует несколько моделей патриотизма, каждая из которых не просто отличается по своему содержательному наполнению, но они могут быть ранжированы по качеству от менее предпочтительного к более предпочтительному уже на том простом основании, что патриотизм — это ценность, а следовательно, имеет нравственное измерение. Ведь ценности, в свою очередь, как известно, тоже имеют разный вес (мы даже можем говорить о «негативных ценностях» и «антиценностях»).

Понятийно-предметное поле социальной и политической философии в рамках отечественной гуманитарной науки всем хорошо известно. Это такие сложные темы, как равенство, справедливость, демократия, власть, революция и так далее. Патриотизм в этом ключе, однако, никто не исследовал. Тем не менее некоторые из названных понятий являются центральными для нормативной политической философии. В частности, либерально-коммунитарные дебаты о справедливости были доминирующей темой социально-философских дискуссий на протяжении 1970–1990-х годов. Как это ни удивительно, но многие из участников этих дебатов, в том числе, обращались к обсуждению патриотизма в нормативном измерении, предлагая аргументы в его пользу или против него.

Так, один из самых известных коммунитаристов А. Макинтайр, задавая вопрос, является ли патриотизм добродетелью, отвечал на него резко отрицательно: не является (MacIntyre, 2002). Философ отмечал, что если мы примем в расчет представления о морали как о чем-то вечном и абсолютном, то патриотизм в таком случае не может быть признан как добродетель. Макинтайр рассуждал так, что если мы как личности выносим моральные суждения, то они должны быть максимально безличностными и основываться на принципах разумного выбора, а не на тех или иных интересах, социальной позиции или аффектах (как мы понимаем, любовь — даже к родине — как эмоция должна быть классифицирована как аффект). В тех же самых, но более острых терминах, защищая универсальную мораль, нападал на патриотизм и философ П. Гомберг. Гомберг утверждал, что по своим установкам и риторике патриотизм ничем не отличается от расизма в широком понимании, так как в любом случае делает акцент на этничность и национальный шовинизм (Gomberg, 2002: 107).

Исследователь А. Павкович точно так же обращается к моральному измерению темы, но рассматривает проблему патриотизма уже не на абстрактном уровне. Он работает с эмпирическим материалом и отвечает на конкретный вопрос: может ли патриотизм предложить какие-то нравственные причины убийства людей (Pavković, 2007: 219). Автор отвечает, что это почти никогда недопустимо, за исключением редких случаев, когда смертельное оружие используется для коллективной защиты территории и ее населения.

Другая стратегия осуждения патриотизма — стандартная форма морализаторства в духе Льва Толстого, впрочем, представленная в академическом духе. Такой линии критики придерживается американский политический теоретик Дж. Кейтиб. Сборник его эссе носит красноречивое название «Патриотизм и другие заблуждения». В первой же и задающей тон всей книге статье Кейтиб отвечает на вопрос, является ли патриотизм ошибкой, и, конечно, отвечает строго утвердительно, подчеркивая, что это как минимум двойная ошибка — во-первых, это моральное заблуждение и, во-вторых, источник этого заблуждения, как правило, представляет собой состояние психического смятения (Kateb, 2006: 3). Однако, считает исследователь, это заблуждение неизбежно, и мы, как социальные философы, должны понимать и обнажать недостатки патриотизма в любом его проявлении, потому что даже «когда люди являются не просто фанатиками или наблюдателями, а активными участниками, например, представителями вооруженных сил, то они больше похожи на пешек, чем на членов спортивной команды» (там же: 17).

Таким образом, социальные философы предлагают варианты разных по своим качествам аргументов против патриотизма — от абстрактных моральных (Макинтайр), конкретно-нравственных аргументов (Павкович) до оценочных суждений, фундированных на дебатах об индивидуальной свободе (Кейтиб). Последний случай отличается от риторики Толстого взвешенностью, последовательностью мысли и строгостью суждений. Но какие же стратегии защиты выбирают сторонники патриотизма?

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗАЩИЩАЕТ ПАТРИОТИЗМ

Даже тогда, когда сторонники и защитники патриотизма используют моральные аргументы, в целом они вынуждены вставать на оборонительные позиции и предлагать различные варианты позитивного патриотизма, в каждом конкретном случае указывая на его отличие от национализма или других форм коллективной идентичности, нередко имеющих негативные коннотации. В частности, авторы предлагают следующие допустимые и желательные «патриотические проекты»: «умеренный патриотизм», «договорной патриотизм», «республиканский патриотизм» и «конституционный патриотизм». Но для начала, прежде чем обсуждать эти модели, обратимся к главной альтернативе, которая, как правило, предлагается патриотизму — космополитизму.

Одним из самых влиятельных сторонников космополитического проекта является политический теоретик и философ образования М. Нуссбаум. В отличие от других авторов она осуждает патриотизм не просто так, но в контексте того, что он оказывается более слабой программой в сравнении с требованиями, предъявляемым к «гражданам мира». Она использует даже не столько моральную, сколько рассудительную аргументацию, когда утверждает, что место рождения всякого человека всегда случайно. Осознавая то, что всякая личность могла оказаться членом какого угодно общества, нам необходимо мыслить себя и других не в рамках тех или иных различий

(класса, гендера, религии и т. д.), но пытаться понять общечеловеческие ценности. Таким образом, патриотизм предстает в философии Нуссбаум эмоциональным и аффективным, в то время как космополитизм — рассудочным и сознательным. Более того, Нуссбаум утверждает, что «акцент на патриотической гордости морально опасен и в конечном итоге способен помешать достижению некоторых достойных целей, которым призван служить патриотизм, — например, цели национального единства и преданности достойным моральным идеалам справедливости и равенства» (Нуссбаум, 2006: 110; Nussbaum, 2002)

Статья Нуссбаум крайне важна потому, что на нее отреагировали другие ведущие мыслители нашего времени и, пытаясь удерживать единую рамку обсуждения, вывели тем не менее дискуссию в иные плоскости. В частности, социолог неормаркистского толка И. Валлерстайн, как строгий ученый, а не моралист, обратился от абстракций к конкретному примеру США последней трети XX в. и заявил, что если мы будем рассматривать каждый случай той или иной страны в отдельности, тем более в исторической перспективе, то как идеологические программы ни космополитизм, ни патриотизм несостоятельны. В частности, Валлерстайн указывает, что, когда в США угнетенные группы заявили о своих этноцентрических притязаниях, многие в своей политической риторике прибегли к фигуре «объединительного» патриотизма. Однако при этом самодовольный космополитизм не должен быть ответом на эгоистический патриотизм, потому что мы всегда должны сочетать сложные позиции, а не провозглашать курс на ту или иную программу (Валлерстайн, 2006: 117; Wallerstein, 2002).

Коммунитарист Ч. Тейлор, в отличие от своего единомышленника Макинтайра, выбрал двойственную позицию. Не оспаривая идеализма Нуссбаум, философ, соблюдая верность установкам коммунитаризма, все же заявил, что от патриотизма вообще невозможно отказаться по двум причинам. Во-первых, все государства, а не только демократические, так или иначе требуют от своих граждан мобилизации, которая, разумеется, основывается на общих идентичностях. Во-вторых, многие государства, преимущественно демократические, отстаивают принципы общего самоуправления, а на таком уровне члены общности скорее испытывают солидарность со своими соотечественниками, чем с человечеством вообще (Тейлор, 2006: 131; Taylor 2002). То есть сторонникам патриотизма необходимо не просто отражать критику, но и продумывать систему аргументации, которая бы позволяла доказать, почему любовь к стране должна/может цениться выше, чем стремление к общечеловеческим идеалам. Другим же, сдаваясь под напором космополитического идеализма, приходится идти на уступки и корректировать собственные позиции.

Возможно, более всего уязвима для критики программа «умеренного патриотизма» социального философа С. Натансона. Его проблема заключается в том, что он обращается за аргументами к конкретике, а его оппоненты продолжают атаковать философа на уровне абстракций. В одной из своих программных статей Натансон, отвечая на критику, заявил, что, хотя патриотизм часто и выступает как орудие в руках «негодяев» и является их «последним прибежищем», сам по себе патриотизм может быть умеренным, особенно если речь идет не об отношении власти/общества, а об отношении между членами общества, т. е. о гражданском обществе. Обращаясь к выпадам Толстого, Натансон формирует свою программу таким образом, что «умеренный патриотизм» все равно остается в границах морали: «умеренные патриоты» рассуждают не в категориях «моя страна, права она или нет», но скорее имеют общее моральное чувство в рамках одной общности (Nathanson, 2002ab, 2007).

Еще одна модель — это концепция «договорного патриотизма» Дж. Шаара (Schaar, 2002). Несмотря на то что Шаар рассуждает не в терминах абстрактной моральной философии, но предлагает проект прежде всего «американского патриотизма», обращаясь за помощью к позиции Авраама Линкольна, сами по себе риторические ходы его аргументации заслуживают особого внимания, так как эта модель может быть экстраполирована и на другие государства. В частности, Шаар пытается разграничить инстинктивный, «естественный патриотизм» (любовь к родине) и «договорный», который основывается на общем участии и соглашении людей относительно единых целей гражданской жизни.

Понимание «республиканского патриотизма» предложил итальянский политический теоретик М. Вироли. Занимаясь исследованием политической мысли Макиавелли и его современников, исследователь пришел к выводам, сделанным в свое время представителями Кембриджской школы истории политической мысли — К. Скиннером и Дж. Пококом. Последние обнаружили забытое понимание свободы в республиканском ключе — свободы как не-доминирования. Позднее политический философ Ф. Петтит конвертировал это в республиканский проект, к которому в итоге присоединился и Вироли. Собственное понимание патриотизма Вироли сформулировал в очень влиятельной книге «За любовь к стране» (Viroli, 1995) и построил свою теорию на специфически республиканских основаниях. С точки зрения Вироли, флорентийские и венецианские политические мыслители XV столетия были патриотами потому, что ценили определенные добродетели (*virtu*), и прежде всего доблесть и любовь к отечеству, но определяемую ими как свободу граждан, способных участвовать в политической жизни города и не желающих подчиняться единоличному правителю. Очень важно, что «республиканский патриотизм» не просто строится на любви к свободе, существовавшей в конкретном городе, но также предполагает отстраненную критику: флорентийцы гордились своими политическими институтами, но не местом жительство.

Однако рассуждения Вироли построены главным образом на историческом материале, и автор тем самым скорее работает с политической мыслью, нежели предлагает теорию, имеющую конкретные политические импликации. Впрочем, обращаясь к современному состоянию дел в политическом процессе Италии, Вироли критикует нынешний курс именно с позиции «республиканского патриотизма» (Вироли, 2014).

В любом случае, все три «патриотических проекта» авторские: философы, защищая патриотизм, скорее говорят о своем видении проблемы и выдвигают систему аргументации, но не считают, что их представления могут найти применение в реальной жизни. Чего нельзя сказать о проекте «конституционного патриотизма». Это понимание «любви к отечеству» нашло наиболее широкую поддержку у социальных философов и политических теоретиков.

Термин «конституционный патриотизм» был введен в публичное пространство социальным философом Ю. Хабермасом. Принципиально то, что сделал он это не в научной или сложной теоретической работе, но в «политической» (Хабермас, 2005). Рассуждая о прошлом и будущем ФРГ, Хабермас заметил, что немецкие граждане в силу сложившихся исторических обстоятельств, определяемых неприятными моментами, связанными с национальной идентичностью, тем не менее могут любить свою страну. То есть определять себя не через национальную идентичность, но политическую, отождествляя общность с политическим строем и сформировавшимися в нем законами. Именно этот проект станут защищать философы и ученые, неже-

лающие отказываться от патриотизма и уж тем более осуждать его. Спустя несколько лет политический теоретик Я.-В. Мюллер напишет книгу (Müller, 2007), в которой противопоставит «конституционный патриотизм» (любовь к демократическим принципам) либеральному национализму (приоритет национальной культуры), космополитизму (универсалистские ценности) и даже «республиканскому патриотизму», связанному преимущественно с историей итальянской, английской и американской политической мысли. Сегодня «конституционный патриотизм» является наиболее неуязвимым с точки зрения критики и обнаруживает многих сторонников. Позднее Мюллер обратится к критике современного популизма с позиций «конституционного патриотизма» (Мюллер, 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как ясно, тема патриотизма давно находится в фокусе социальной философии. Многие теоретики, несмотря на разумные доводы оппонентов, не считают патриотизм добродетелью, и в то же время даже те авторы, которые выступают за то, что патриотизм представляет собой ценность, не согласны друг с другом не то что на уровне аргументации, но во многих принципиальных моментах. Тем самым мы обнаруживаем различные модели патриотизма.

Каким же образом мы бы могли определить патриотизм, существующий в России? Упомянутая во введении Росмолодежь дает следующее определение того, что воспитывает в молодых гражданах России: «Формирование общественно-государственной системы, обеспечивающей приобщение российской молодежи к ценностной ориентации, подразумевающей ответственность за судьбу своей Родины, сопричастность к ее судьбе» (Патриотизм: Электронный ресурс). Вместе с тем мы уже видели, что сопричастность к судьбе родины понимается довольно узко — за счет военных успехов.

Каков же смысл патриотизма как феномена социальной жизни в России? Во-первых, что крайне важно, отечественный патриотизм созревает не в рамках гражданского общества, но является ценностью, транслируемой государством. Достаточно еще раз назвать деятельность Росмолодежи. Такую практику осудили бы многие сторонники патриотизма, но, как мы показали, не все. Во-вторых, как упоминалось в начале исследования, патриотическое воспитание ориентируется большей частью на идентичность, связанную с советской историей, военными подвигами. Лучшим примером здесь может быть феномен «Бессмертного полка», набирающий популярность год от года. В-третьих, патриотические ценности, понимаемые через уважение к истории и заслугам российского/советского народа, активно транслируются через массовую культуру. Министерство культуры РФ, определяющее финансирование тем или иным проектам, спонсировало такие кинокартины, как «Легенда № 17» (2013), «Время первых» (2017) и «Движение вверх» (2017). Все это не просто исторические фильмы, но фильмы, в которых репрезентируются спортивные победы и подвиги советских людей, часто вступающих в противостояние с представителями других стран и культур. Что еще более важно, эти фильмы получают популярность, а актуальные достижения российских спортсменов вновь заставляют гордиться победами нашей страны, и это чувство гордости в итоге становится фактором мировой политики. Картина «Движение вверх» о победе, одержанной советскими баскетболистами над американцами, вообще стала самым кассовым отечественным фильмом в истории. Все это является подтверждением того, что патриотические чувства россиян в самом деле воспитываются.

Упомянутая во введении социолог А. Санина, проанализировав официальные документы разных государств, пришла к выводу, что, по крайней мере, на уровне риторики консолидация российского общества сегодня реализуется не через культивирование позитивных ценностей, а на основе негативных факторов, и утверждает: «Попытки властей монополизировать патриотизм приводят к тому, что в современном российском обществе государство и граждане не желают, более того, не имеют возможности развивать отношения сотрудничества и совместного решения противоречий и проблем. Это дает почву для воспитания патриотизма через милитаризацию, культивирования внешних врагов и продуцирование слепого патриотизма» (Санина, 2016: 53).

Как мы видели, некоторые социальные философы утверждают, что демократические общества в принципе не могут обойтись без патриотизма. В частности, Ч. Тейлор замечает, что государство требует от граждан мобилизации. Если соглашаться с его тезисом, то в патриотическом воспитании, выполняющем мобилизационную функцию, в его идеальном виде нет ничего предвзятого. Другое дело, на чем именно должно основываться это воспитание. По большому счету, в теории мы приходим к тем же выводам, к которым пришла, изучая эмпирический материал, А. Санина. Патриотизм — это однозначная и традиционная ценность, разделяемая многими гражданами нашей страны. И все же эта традиция может и даже должна быть дополнена некоторыми инновационными компонентами.

Прежде всего, акцент в патриотическом воспитании должен делаться не на конструировании внешних врагов и не на милитаризации. Но что предложить вместо этого? Скажем, в идеалах, отстаиваемых «конституционным патриотизмом», много ценного, и прежде всего его ядро — любовь не просто к стране, но уважение к закону, к сложившимся демократическим институтам, желание поучаствовать в формировании гражданского общества и т. д. Относительно узко понимаемый патриотизм в России, не осмысленный на теоретическом уровне, скорее обращен к истории, к прошлому. Вместе с тем даже любовь к родине предполагает беспокойство о ее будущем, на которое можно в том числе влиять, участвуя в развитии жизнеспособных, действующих политических институтов, которые получают одобрение всех или большинства граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр, Дж. (2013) Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М. : Праксис. 640 с.
- Валлерстайн, И. (2006) Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. №2. С. 126–127.
- Вироли, М. (2014) Свобода слуг. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 144 с.
- Гладких, В. В. (2011) Досуговая деятельность высших учебных заведений как основа реализации гражданско-патриотического воспитания молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. №7 (99). С. 68–73.
- Мюллер, Я.-В. (2018) Что такое популизм? М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 144 с.
- Нуссбаум, М. (2006) Патриотизм и космополитизм // Логос. №2. С. 110–119.
- Патриотизм [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/score/2/details> (дата обращения: 19.03.2018).
- Санина, А. Г. (2016) Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. №5. С. 44–53.
- Селиверстова, Н. А., Курганская, М. Я. (2017) Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 232–239.

Студенникова, С. А. (2009) Патриотическое воспитание молодежи — залог успешного развития государства и общества // Ученые записки Орловского государственного университета. №3. С. 278–283.

Тейлор, Ч. (2006) Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. №2. С. 130–131.

Толстой, А. Н. (1956) Христианство и патриотизм // Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Государственное издательство художественной литературы. Т. 39. 299 с. С. 27–80.

Хабермас, Ю. (2005) Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас, Ю. Политические работы. М. : Праксис. 368 с. С. 114–136.

Gomberg, P. (2002) Patriotism Is Like Racism // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst : Humanity Books. 298 p. P. 105–112.

Kateb, G. (2006) Patriotism and Other Mistakes. New Haven ; L. : Yale University Press. 422 p.

MacIntyre, A. (2002) Is Patriotism a Virtue? // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst : Humanity Books. 298 p. P. 43–58.

Müller, J.-W. (2007) Constitutional patriotism. Princeton and Oxford : Princeton University Press. 177 p.

Nathanson, S. (2002a) In Defense of “Moderate Patriotism” // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst : Humanity Books. 298 p. P. 87–104.

Nathanson, S. (2002b) Is Patriotism Like Racism? // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst : Humanity Books. 298 p. P. 113–119.

Nathanson, S. (2007) Is Cosmopolitan Anti-Patriotism a Virtue? // Patriotism. Philosophical and Political Perspectives. Primoratz, I., Pavković A. (eds.). Hampshire : Ashgate. 241 p. P. 75–91.

Nussbaum, M. C. (2002) Patriotism and Cosmopolitanism // Nussbaum, M. C. For love of country? Massachusetts : Beacon Press. 153 p. P. 3–17.

Pavković, A. (2007) Killing for One’s Country // Patriotism. Philosophical and Political Perspectives. Primoratz, I., Pavković A. (eds.). Hampshire : Ashgate. 241 p. P. 219–234.

Shaar, J. H. (2002) The Case for Covenanted Patriotism // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst : Humanity Books. 298 p. P. 233–257.

Taylor, Ch. (2002) Why Democracy needs Patriotism // Nussbaum, M. C. For love of country? Massachusetts : Beacon Press. 153 p. P. 119–121.

Viroli, M. (1995) For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism. Oxford : Clarendon Press. 206 p.

Wallerstein, I. (2002) Neither Patriotism Nor Cosmopolitanism // Nussbaum, M. C. For love of country? Massachusetts : Beacon Press. 153 p. P. 122–124.

Дата поступления: 20.03.2018 г.

*PATRIOTISM:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH
A. V. PAVLOV
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY*

Despite the fact that in Russia patriotic rhetoric is very widespread, and there are state supported programmes for the patriotic education of young people, still the citizens have no clear understanding of what kind of patriotism is offered to them. Russian scholars either insist on the necessity of patriotic education, or consider this issue from the point of view of applied sociology. In this article, the author considers patriotism as a multidimensional theoretical concept; he analyses in which discursive contexts patriotism is debated in contemporary social philosophy and political theory. He singles out several models of “patriotic projects” which are advocated by social philosophers despite overall criticism and denunciation of patriotic ideas.

Using Russian context as a ground for his considerations, the author compares Russian patriotic rhetoric with the conclusions of scholars and thinkers in the West. Instead of emphasising in patrio-

tic education the topics of foreign enemies and militarisation, the official propaganda can start to appeal to principles of “constitutional patriotism”: not just love for the country, but respect for the law, for the established democratic institutions, desire to participate in the development of civil society, etc. This research is not merely an attempt to fill all the lacunas in Russian patriotic discourse; it aspires to bring the debate to a new theoretical level of discussion.

Keywords: patriotism; social philosophy; political theory; cosmopolitanism; constitutional patriotism

REFERENCES

- Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya*. Moscow, Praxis Publ. 640 p. (In Russ.).
- Wallerstein, I. (2006) Ni patriotizm, ni kosmopolitizm. *Logos*, no. 2, pp. 126–127. (In Russ.).
- Viroli, M. (2014) *Svoboda slug*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 144 p. (In Russ.).
- Gladkikh, V. V. (2011) Dosugovaia deiatel'nost' vysshikh uchebnykh zavedenii kak osnova realizatsii grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniia molodezhi. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 7 (99), pp. 68–73. (In Russ.).
- Müller, J.-W. (2018) *Chto takoe populizm?* Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 144 p. (In Russ.).
- Nussbaum, M. (2006) Patriotizm i kosmopolitizm. *Logos*, no. 2, pp. 110–119 (In Russ.).
- Patriotism. *Rosmolodezh'* [online] Available at: <https://fadm.gov.ru/activity/scope/2/details> (access date: 19.03.2018). (In Russ.).
- Sanina, A. G. (2016) Patriotizm i patrioticheskoe vospitanie v sovremennoi Rossii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 44–53. (In Russ.).
- Seliverstova, N. A. and Kurganskaya, M. Y. (2017) Patriotizm. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, pp. 232–239. (In Russ.).
- Studennikova, S. L. (2009) Patrioticheskoe vospitanie molodezhi — zalog uspehnogo razvitiia gosudarstva i obshchestva. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 278–283. (In Russ.).
- Taylor, Ch. (2006) Pochemu demokratiia nuzhdaetsia v patriotizme. *Logos*, no. 2, pp. 130–131. (In Russ.).
- Tolstoi, L. N. (1956) Khristianstvo i patriotizm. In: *Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii* : in 90 vol. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury. Vol. 39. 299 p. Pp. 27–80. (In Russ.).
- Habermas, J. (2005) Istoricheskoe soznanie i posttraditsionnaia identichnost'. In: *Zapadnaia orientatsiia FRG. Habermas J. Politicheskie raboty*. Moscow, Praxis Publ. 368 p. Pp. 114–136. (In Russ.).
- Gomberg, P. (2002) Patriotism Is Like Racism. In: *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books. 298 p. Pp. 105–112.
- Kateb, G. (2006) *Patriotism and Other Mistakes*. New Haven & London, Yale University Press. 422 p.
- MacIntyre, A. (2002) Is Patriotism a Virtue? In: *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books. 298 p. Pp. 43–58.
- Müller, J.-W. (2007) *Constitutional patriotism*. Princeton and Oxford, Princeton University Press. 177 p.
- Nathanson, S. (2002a) In Defense of “Moderate Patriotism”. In: *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books. 298 p. Pp. 87–104.
- Nathanson, S. (2002b) Is Patriotism Like Racism? In: *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books. 298 p. Pp. 113–119.
- Nathanson, S. (2007) Is Cosmopolitan Anti-Patriotism a Virtue? In: *Patriotism. Philosophical and Political Perspectives*. Primoratz, I. and Pavković A. (eds.). Hampshire, Ashgate. 241 p. Pp. 75–91.

Nussbaum M. C., (2002) Patriotism and Cosmopolitanism. In: Nussbaum M. C. *For love of country?* Massachusetts, Beacon Press. 153 p. Pp. 3–17.

Pavković, A. (2007) Killing for One's Country. In: *Patriotism. Philosophical and Political Perspectives*. Primoratz, I., Pavković A. (eds.). Hampshire, Ashgate. 241 p. Pp. 219–234.

Shaar, J. H. (2002) The Case for Covenanted Patriotism. In: *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books. 298 p. Pp. 233–257.

Taylor Ch. (2002) Why Democracy needs Patriotism. In: Nussbaum M. C. *For love of country?* Massachusetts, Beacon Press. 153 p. Pp. 119–121.

Virolí, M. (1995) *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*. Oxford, Clarendon Press. 206 p.

Wallerstein I. (2002) Neither Patriotism Nor Cosmopolitanism. Nussbaum M. C. *For love of country?* Massachusetts, Beacon Press. 153 p. Pp. 122–124.

Submission date: 20.03.2018.

Павлов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: ale-pavlov@yandex.ru

Pavlov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Law, Leading Research Fellow, Head, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: ale-pavlov@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.9

Концептуальный анализ экзистенциально-феноменологической традиции: основания и перспективы

О. А. ВЛАСОВА, А. А. ЛЬВОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья предлагает новую интерпретацию экзистенциально-феноменологической традиции как единого проблемного и прикладного поля на границе философии, психиатрии, психотерапии и психологии. В качестве основания исследования экзистенциально-феноменологической традиции предлагается использовать концептуальный анализ. Он позволяет выделить фундаментальные концепты традиции, сохраняющиеся при переходе от теории к практике или трансформирующиеся с целью реализации задач терапии в промежуточные понятия.

Воссоздается история развития экзистенциально-феноменологической традиции как смена четырех парадигм: общегуманитарной, экзистенциально-феноменологической, социально-критической, междисциплинарной парадигмы философии психиатрии. Показывается фундаментальное значение экзистенциально-феноменологической традиции в свете этого процесса.

Выделяются ряды концептов экзистенциально-феноменологической философии, психологии, психиатрии и психотерапии: онтологические, методологические, антропологические, коммуникативные, проясняется статус каждой концептуальной группы. Указывается, что концептуальным ядром традиции являются методологические концепты (феноме-